

То, что уехавший в дальнюю поездку сын помнил о нем и выбрал подарок с таким глубоким, добрым смыслом, тронуло Чи Цзюня до глубины души. В этот момент отцовское сердце переполняла такая нежность, что он готов был бросить к ногам Жаньжана все сокровища мира.

Охваченный внезапным порывом, он крикнул водителю:

— Разворачивайся, назад на стройку!

Шофер послушно выкрутил руль на ближайшем перекрестке, направляя машину обратно к выезду.

Чи Фэйжань удивленно приподнял брови:

— Папа, куда мы едем?

— Приедем — увидишь, — заговорщически подмигнул отец.

Фэйжань задумался, но так и не смог угадать. Семейная империя Чи простирала свои щупальца слишком во многие сферы. Сначала юноша решил, что речь идет об обычном жилом комплексе, но, глядя на загадочную улыбку отца, понял: все гораздо масштабнее.

И правда. Машина, покинув аэропорт, пересекла весь город А и выкатилась на окраину с противоположной стороны. Места здесь казались безлюдными, почти дикими, однако масштабы развернувшейся стройки поражали воображение. Даже сквозь строительные леса угадывались контуры будущего великолепия и оживления.

Они вышли из машины. Рабочие явно не ожидали столь скорого возвращения главы конгломерата и засуетились, пытаясь связаться с начальством площадки.

— Не надо никого звать, — пресек их суету Чи Цзюнь. — Я просто покажу сыну окрестности. Занимайтесь своим делом.

Он обернулся к Фэйжаню и махнул рукой:

— Пойдем, сынок, за мной!

Они прошли вглубь территории. Чи Цзюнь уверенно, как у себя дома, увлек его к открытому экскурсионному электрокару. Вскоре они остановились перед величественным стеклянным небоскребом футуристических очертаний.

Отец повел его внутрь. Они вошли в просторный лифт с панорамным остеклением, и Чи Цзюнь без колебаний нажал кнопку верхнего обзорного яруса.

Лишь когда кабина плавно тронулась, он негромко произнес:

— Высота этой башни — тысяча двести двадцать один метр. На сегодняшний день это самое высокое здание в мире.

Тысяча двести двадцать один...

Цифры мгновенно сложились в дату — двадцать первое декабря, его день рождения.

— Папа... — у Чи Фэйжання перехватило дыхание.

Чи Цзюнь мягко улыбнулся и жестом указал на стекло.

По мере того как лифт стремительно взмывал ввысь, за панорамным окном разворачивалась картина, от которой кружилась голова. Огромная строительная площадка лежала как на ладони, простираясь до самого горизонта. У берега искусственного канала застыло гигантское колесо обозрения, величественное даже с такой высоты.

— Самый большой в мире тематический парк развлечений, — Чи Цзюнь шумно выдохнул, глядя на раскинувшиеся внизу владения. — Двенадцать лет кропотливой работы с момента первого эскиза. Я строил его для тебя, Жаньжань. Хотел преподнести как подарок на выпускной в университете...

Но поддался секундному порыву и не утерпел — привез показать раньше времени.

Его слова лишь подтвердили догадку Фэйжання. Он знал, что отец души в нем не чает, но чтобы до такой степени...

Немного поколебавшись, юноша все же тихо произнес:

— Папа... Тебе не кажется, что это... слишком грандиозно?

— Я задумал его, когда тоска по тебе стала невыносимой, — добродушно отозвался этот неисправимый, любящий до безумия отец.

Тогда, сразу после развода с Се Мань, все полетело кувырком. Расставание вышло болезненным и грязным, а учитывая колоссальное влияние клана Чи в Китае, Се Мань, спасаясь от бесконечного давления, просто забрала маленького сына и уехала за границу.

Поначалу Чи Цзюнь еще мог выкраивать время, чтобы летать за океан и видеться с Жаньжанем. Но после того злополучного случая Се Мань наотрез отказалась пускать кого-либо из семьи Чи на порог.

Лифт тихо звякнул, извещая о прибытии на смотровую площадку. Отец подвел Фэйжана к огромному, от пола до потолка, стеклу. Отсюда открывался безупречный вид на каждую деталь будущего парка.

Глядя на этот исполинский, взлелеянный годами, но еще не заверченный проект, Чи Цзюнь привычным жестом достал из кармана пачку сигарет. Однако, бросив взгляд на сына, помедлил и убрал ее обратно.

— Твоя мама тогда снова вышла замуж, — после долгой паузы глухо заговорил Чи Цзюнь. — В той семье рос приемный ребенок. Твоя бабушка испугалась, что тебя там затрут, захотела забрать обратно в Китай... Ну и наговорила тебе всякого...

Если и было в жизни Чи Цзюня то, перед чем он пасовал, так это извечный конфликт двух главных женщин в его доме.

Старая госпожа Чи спала и видела рядом с сыном родовитую наследницу знатного клана, а Се Мань была круглой сиротой, пробивавшей себе дорогу исключительно собственным трудом.

В высшем свете все подчинено жестким правилам: к какому платью подходит определенный парфюм, как сочетать приборы за обедом — мелочей не существовало. Мать Чи Цзюня, воспитанная в строгих традициях благородных девиц прежней эпохи, привыкла окружать себя безупречным лоском и требовала того же от остальных. Но для свободолюбивой Се Мань эта душная ярмарка тщеславия оставалась чуждой.

Чи Цзюня как раз и пленила эта независимость и внутренняя сила. Он наивно полагал, что светским манерам жена со временем научится, а если и нет — он все равно будет любить ее без памяти. Однако его мать твердила одно: девка без роду и племени не пара ее сыну. Предубеждение ослепило ее, превратив любые достоинства невестки в пороки.

Гордость Се Мань она пренебрежительно именовала строптивостью. Желание иметь собственное дело трактовала как коварный умысел прибрать к рукам активы семьи Чи. Обиды копились годами, мелкие придирки перерастали в глухую вражду, пока наконец этот трещащий по швам брак, изначально казавшийся светским кумушкам мезальянсом, не распался окончательно.

Чи Цзюнь не раз пытался склеить разбитую чашку, но в глубине души понимал: развод — единственный выход. Оставшись здесь, Се Мань просто зачахла бы. Однако свобода не принесла ей облегчения.

Узнав, что невестка твердо намерена забрать с собой внука, старая госпожа устроила

безобразную сцену, обвинив ее в желании нажиться на ребенке и шантажировать семью Чи.

Доведенный до крайности бесконечными скандалами, Чи Цзюнь мечтал лишь об одном — прекратить этот кошмар. Он подписал бумаги, оставив сына матери. Се Мань же, уязвленная до глубины души обвинениями свекрови, гордо отказалась от малейших алиментов и отступных.

Фэйжань тогда был совсем крохой и вряд ли помнил, как тяжело им с матерью пришлось за границей на первых порах. Но вскоре судьба свела ее с Эдмондом — главой могущественного клана Бонет. А затем она снова вышла замуж.

Чи Цзюнь, узнав об этом, ходил сам не свой. Старая же госпожа Чи пришла в ярость от одной мысли, что ее родной внук может взять чужую фамилию. В ее глазах Се Мань оставалась злобной фурией, настраивающей ребенка против отца и бабушки, но сам Жаньжань был плотью от плоти их рода. Мальчик рос удивительно ласковым и очаровательным, бабушка искренне его любила и, видя, что Чи Цзюнь наотрез отказывается заводить новую семью, вознамерилась во что бы то ни стало вернуть наследника в лоно семьи.

Поэтому во время одной из редких встреч она нашептала маленькому Фэйжаню:

— Твоя мама нашла тебе другого папу. Скоро у нее родятся свои дети, и она перестанет тебя любить. А тот оборванец, которого они взяли из приюта... Кто знает, что у него на уме? Такие приемыши только и думают, как бы извести законного наследника. Возвращайся лучше к папе и бабушке, хорошо?

Узнав об этом разговоре, Се Мань едва не сошла с ума от ярости. С того дня доступ к мальчику для китайской родни был закрыт навсегда.

Чи Цзюнь до сих пор в деталях помнил ее искаженное гневом лицо и звенящий от слез, ледяной голос:

— Чи Цзюнь, запомни раз и навсегда! Фэйжань — это моя жизнь! И я костями лягу, но никто не посмеет забрать его у меня! И не забывай: здесь тебе не Китай!

Эдмонд тогда бережно обнял плачущую навзрыд Се Мань, укрывая ее от всего мира. И в тот момент Чи Цзюнь окончательно осознал: все кончено.

Он дал слово не искать встреч с сыном. По крайней мере до тех пор, пока Жаньжань не окончит университет, не повзрослеет и не сделает осознанный выбор сам.

Чи Цзюнь крепче сжал в ладони сигаретную пачку и тяжело, со свистом выдохнул:

— Грешным делом, я долго винил во всем твою мать. Думал, будь она хоть немного

покладистее...

Он действительно обижался на нее, просил не спорить со старшими, проявить мудрость. После смерти отца вся тяжесть управления огромной корпорацией Чи легла на его плечи. Изматывая себя на работе до полусмерти, дома он хотел покоя, а получал бесконечные жалобы жены на свекровь. Это опустошало. К тому же тогда ему казалось, что мать хоть и придирается по мелочам, но в главном-то права — все эти светские условности казались ему такими же естественными и обязательными, как дыхание.

Лишь спустя годы пришло горькое прозрение. Каково это — изо дня в день жить под прицелом ледяного, оценивающего взгляда свекрови, готовой в любой миг ткнуть тебя носом в малейшую ошибку? Мать была ласкова с ним, но для невестки превращалась в беспощадного надзирателя. Тогда он этого просто не замечал. Считал себя единственным страдальцем, забыв, что Се Мань тоже находилась на грани истощения.

Прошное не вернуть. Осознание пришло слишком поздно, когда мосты были сожжены. И все, что ему оставалось — цепляться за призраки былого счастья, когда они еще были единым целым.

Чи Цзюнь печально улыбнулся:

— Помню, как мы всей семьей выбирались в парк аттракционов. Ты так заливисто хохотал, был абсолютно счастлив... Вот я и подумал: почему бы не построить для тебя собственный парк?

Эта мысль превратилась в навязчивую идею, в соломинку, за которую он отчаянно хватался, пытаясь удержать ускользающие крупницы прежнего тепла.

Чи Фэйжань крепко сжал его ладонь:

— Папа, я здесь. Пожалуйста, не грусти.

Улыбка сошла с лица отца, в уголках покрасневших глаз блеснули слезы. Он хрипло выговорил:

— Твоя мама вырастила тебя замечательным человеком. Гораздо лучшим, чем получился бы под моим крылом.

В те годы, наряду с раскаянием, в его душе гнездилась глухая обида. Он считал себя более преданным родителем — ведь он так и не женился снова, тогда как Се Мань нашла замену меньше чем через два года. Ему казалось, что бабушка права: роди мачеха общего ребенка, неродной Фэйжань в доме Бонетов неизбежно стал бы лишним. Кто же знал... Кто мог помыслить, что Се Мань, гордая и бескомпромиссная, сознательно откажется от возможности родить наследника чужой династии ради того, чтобы Жаньжань никогда не почувствовал себя обделенным?

Какое чудовищное давление пришлось выдержать ей и ее новому мужу, оставив древний, могущественный клан без прямого наследника крови? Но Се Мань выстояла. И, что еще важнее, мужчина, которого она выбрала после тяжелой ошибки прошлого, оправдал ее доверие целиком и полностью.

— В этом я ему тоже проиграл, — тихо обронил Чи Цзюнь.

Чи Фэйжань прижался плечом к отцовскому боку, мягко произнося:

— Ты тоже замечательный отец, папа.

Он не стал говорить вслух, но подумал: пускай детские воспоминания стерлись из памяти, его тогдашний восторг в парках развлечений вряд ли был вызван каруселями. Просто в те редкие дни мама и папа безраздельно принадлежали только ему.

<http://bllate.org/book/18265/1758445>